

**Александр
ТИХОНОВ**
*п. Большееречьё
Омской области*

ПО ВЕСНЕ...

рассказ

Дачный посёлок по весне напомнил ему заброшенное кладбище: заросшие бурьяном, заваленные прошлогодней ботвой участки. Вместо поваленных оградок — поломанный штaketник. Илья Иванович знал хозяев доброй половины здешних дач. Вон там ещё не до конца растащенный на кирпичи двухэтажный домина без крыши — дача советского чинуши, тяжело заболевшего в девяностые и умершего в начале двухтысячных. Ну и куда ему двухэтажное дачное надгробие? С собой забрал? А таких вот дач без хозяев или с новыми хозяевами с каждым годом всё больше. Идёшь себе по аллее, видишь за кустами людей в спецовках, жгущих старую ботву, кричишь им:

— Звягины!

Оборачиваются, а это не они.

— А Звягины тут уже не сядят, мы дачу купили, — говорит кто-нибудь из новых хозяев.

Остаётся лишь протянуть тоскливое: «Извините, обознался...»

Как на всяком кладбище, встречаются целые домики, аккуратно побеленные, с целыми дверями, относительно ровными заборами. Тут явно рачительные хозяева. «Родительский день» для двух-трёх поколений начинается в мае и длится до октября.

Работавший до выхода на пенсию водителем автобуса, Илья Иваныч частенько вспоминал, как летом ему доверяли дачный маршрут. В восьмидесятые было много молодёжи, спешащей на дачу. В девяностые — сплошь старушки. Теперь же контингент разный, но в основном все люди

моложе пятидесяти пересели на машины и добираются своим ходом. Скучно стало ездить в дачном автобусе с такими же, как он, стариками — все темы разговоров уже измусолены, аки вставная челюсть. Хотелось поговорить с кем-то помоложе, узнать новости, понять, чем дышат люди на десять-двадцать лет младше его.

Прогулка по разорённым дачам без попутчика — полезное в физическом плане, но беспросветно тоскливое занятие. Домишки, похожие на брошенные скворечни, почерневшие, иссохшие калитки, наспех перехваченные проволокой, скрипящие на ветру.

Сегодня Илье Ивановичу повезло. Параллельно ему по соседней аллее шла женщина лет пятидесяти, вела в руках велосипед. Илья узнал её и кинулся через ближайший проход между дачами навстречу.

— Игнатова, — замахал руками, — Петровна!

Женщина остановилась. Поправила сползшую на глаза косынку, прищурилась, пытаясь понять, кто позвал её по отчеству.

— На дачу, да? — уже шел к ней старик, понимая, что нашел себе попутчика.

— А! — наконец признала его женщина, — Иваныч... На дачу, куда ж ещё! Надо хоть посмотреть, что с избушкой, забор подлатать. Говорят, опять по дачам лазали.

— Лазали, — со знанием дела подтвердил Илья. — Я зимой ходил тут: заборы поломаны, в домиках все двери нараспашку.

— А что тут искать-то? Уже весь металл, какой был, разворовали.

— Это да... А они на пакость теперь. Моя вон в избушке по осени всё прибрала, коврик старый постелила, кровать заправила. Шторочки там всякие. Всё перевернули, аж тошно. Хоть ничего не делай. Ещё столбы металлические повыдирали.

— Да, — закивала Игнатова, — точно. Ко мне сын приезжал прошлым летом, я ему говорю: «Давай все металлические столбы вытащим и заменим на деревянные, чтобы никто забор не поломал, если придут за металлом». Он пытался-пытался их раскатать, убил день на один столб. А эти махом все восемь выдрали. Силы, видать, много.

— Это они по весне, пока земля оттаивает. В это время столбы как по маслу выдёргиваются. Я вон тоже хочу весь металл к чёртовой матери сдать, чтобы не лазали. Так ведь не отвadiшь! Будут каждый год забираться, что-то искать. Моркошка подрастёт — выдерут, лук — туда же.

— Во-во, — дачница закивала. — Мы надрываемся, дачу унавоживаем, сорняки выпальваем. А они пойдут, продадут, на бутылку заработают и радуются жизни. Я тут на рынке прошлым летом с одной ругалась. Пьянчуга с пристани. У неё дачи отродясь не было. Всю жизнь бичевала, сколько её помню. А тут сидит «Викторию» продаёт. Я подхожу: «Откуда клубника?» — «С дачи», — отвечает. Я говорю: «С чьей дачи?» — «Да с моей». Я говорю: «Ах ты, бесстыжая! Нет у тебя дачи. У кого-то наворовала и торгует сидит».

— Всё так. У меня родственники однажды, пару лет назад, приехали на поле картошку копать, а там какие-то крепкие ребята уже половину поля опростали и копают, как будто так и надо. Они с вопросом: «Вы какого чёрта тут делаете?» Те отвечают: «Наше поле!» Родственники мои: «Нет, наше!» А один из бугаёв такой: «Иди, старпёр, отсюда подбродь поздорову, пока не прикопали». Ну, он и сел со своей бабкой на пустые мешки.

— И чего?

— Ничего. Подождали, пока те ребята в машину к себе урожай покидали и уехали, тогда только оставшуюся половину начали выкапывать. Мало ли, дураков хватает. А вдруг и правда пришибут там же на поле. С них станется — лопатой по затылку, и всего делов.

Соседка энергично закивала:

— И ведь не сделаешь ничего.

— Можно пугнуть или попробовать поймать, но... сама знаешь, что потом будет. Кого виновным выставят? Хозяина.

— Это да... Илья Иваныч, а ты не надумал ещё дачу бросать? — вдруг спросила собеседница.

— С чего бы? — пенсионер даже остановился.

— Ну, мало ли. Дети и внуки уже выросли, в большом городе живут. Вам с супругой много ли надо? Всё в магазинах можно купить.

— Да тут такое дело... Ты, Петровна, когда на пенсию?

— Через два года.

— Во-от... С работы уволишься?

— Уволюсь, наверное. Зарплату сокращают всем, так что за копейки днями работать — нет уж, пусть будет пенсия по минимуму, проживу.

— Дача поможет?

— Ну, конечно, — женщина расплылась в улыбке. — Всё-всё! Поняла, для чего тебе дача.

— Не только. Ещё этакое лекарство от скуки и тоски. Сидеть дома неохота, а дача и время занимает, и едой обеспечивает.

— Вот и Анна Викторовна Самарцева, — Игнатова кивнула в сторону одной из дач, калитка которой была распахнута, а возле домика стояли вилы и лопаты, — до чего божий одуванчик, а всё туда же, к земле... Ну, в смысле к даче.

— Да ладно, все мы к земле тянемся, — усмехнулся Илья Иванович, — поздороваться бы надо с одуванчиком.

Собеседница кивнула и тут же громко, звонко, по-девчоночьи закричала:

— Анна Викторовна! Вы тут?

Из домика выглянула немолодая женщина. Худая, с маленьким морщинистым лицом, недовольно посмотрела на бредущих по аллее людей.

— Чего вам надо?

— Ой, извините... — Игнатова смутилась, — я думала, Анна Викторовна на даче работает.

— Умерла она. Ещё по осени, — бесцветно отозвалась женщина и снова скрылась в домике, застучал молоток.

Илье на ум тут же пришло странное сравнение: вот строили люди себе гнёзда, вили их. У кого-то простенькая избушка из фанеры, тонкая и лёгкая, как птичье гнездо, у кого-то — добротный скворечник. А теперь живут там совершенно иные птицы. Кто-то вырубил старые ели и сосны, посаженные первыми владельцами дач лет тридцать назад, лягут под то-

пор яблони и вишни, на место которых посадят что-то новое. Каждый будет менять окружающий мир под себя. И так станет из года в год, из века в век меняться этот самый окружающий мир, ничего постоянного не оставляя.

— Извините, женщина... — широко улыбаясь, Илья Иванович шагнул к забору и громко добавил: — Можно вас отвлечь на секундочку?

Неприветливая хозяйка «скворечни» вновь показалась на крыльце, на этот раз с молотком в руках.

— Ну?

— Меня Ильёй зовут. Илья Иванович. Мы с вами теперь соседи.

— И что? — в голосе новоявленной соседки отчетливо различалось раздражение.

— Просто, — старик развёл руками, — хотел познакомиться. Мало ли...

Неловко развернулся, пошлёпал по грязи к стоящей поодаль спутнице.

— Анна! — ткнулся в спину растерянный окрик. — Меня Анна зовут!

Обернулся, посмотрел с прищуром.

— Вы извините, что я с вами так, просто мама... — и заплакала.

— Это вы нас извините, — Илья примирительно выставил перед собой ладони, попятился к велосипеду.

— Что это с ней? — не поняла Игнатова.

Илья Иванович хмыкнул:

— Пойдём-ка отсюда, Петровна.

— Это ты её, что ли, довёл?

— Нет, не я. Это она сама себя... — и пошел по аллее.

Спутница догнала старика минут через пять:

— Да кто она такая?

— Дочка Анны Викторовны, — на ходу бросил Илья Иванович, — старшая.

— Это которая в Германию уезжала?

— Да.

— Вернулась, получается... А почему она плакала?

— Мать умерла, — буркнул Илья.

— Так мать-то давно умерла. Может, она плакала, что дачу продать не может?..

Старик вдруг остановился как вкопанный, и Игнатова едва не налетела на него.

— Ты чего, Иваныч?

Старик запрокинул голову, взглянул на небо, подернутое лёгкой рябью облаков.

— Скворчки... Слышишь? Поют, свистят.

Женщина прислушалась, едва различила редкое птичье посвистывание.

— Вот пришла она на дачу, — тем временем продолжал Илья Иванович, — зашла в избушку, а там всё как при матери: на столе перчатки рабочие лежат, на крючках вдоль стен спецовки...

— Ты это о чём?

— О жизни, Петровна. О жизни...

□

Александр ТИХОНОВ

родился в п. Большеречье Омской области.

Окончил исторический факультет

Омского государственного педагогического университета.

В настоящее время — заведующий научно-краеведческим центром

Тарской центральной районной библиотеки (г. Тара).

Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках,

альманахах, периодических изданиях Омска,

Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Москвы и других городов.

Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014),

за которую удостоен звания лауреата

Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова,

региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2015).

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Поэзия» (2014)

и «Проза» (2015).

